

Terra Economicus, 2019, 17(4), 113-128

DOI: 10.23683/2073-6606-2019-17-4-113-128

МЕЖДУ ЛИБЕРАЛИЗАЦИЕЙ КОММУНИЗМА И ОРТОДОКСАЛЬНЫМ МАРКСИЗМОМ (ОСМЫСЛЕНИЕ ЭВОЛЮЦИИ СОВЕТСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ 1950–1960-Х ГГ.)¹

Григорий Германович ПОПОВ,

кандидат экономических наук, доцент,
Российская Академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
г. Москва, Россия,
e-mail: GGPopov2009@mail.ru

Цитирование: Попов, Г. Г. (2019). Между либерализацией коммунизма и ортодоксальным марксизмом (осмысление эволюции советского экономического развития 1950–1960-х гг.) // *Terra Economicus*, 17(4), 113–128. DOI: 10.23683/2073-6606-2019-17-4-113-128

Статья посвящена осмыслению советского экономического прошлого в ракурсе противопоставления двух моделей народного хозяйства, сформированных при разных политических режимах. Автор отвечает на вопросы, насколько экономические системы в условиях сталинской диктатуры и постсталинского умеренного коммунистического режима различались между собой, почему сталинский курс экономической политики изжил себя в начале 1950-х гг. Рассматриваются кратковременные, но довольно результативные либеральные (насколько это было возможно в советских условиях) реформы Г.М. Маленкова (1953–1955 гг.), антитезой которым стал предложенный Н.С. Хрущевым технократический курс преобразования советской экономики, подразумевавший сохранение экстенсивного экономического роста на фоне внедрения (путем крупных инвестиций) новейших на то время технологий и реформы государственного управления. Технократический курс Н.С. Хрущева, как доказывает автор, при всех его провалах недооценен в отечественной историографии (в частности, много позитивного было сделано в жилищном строительстве и энергетике). В то же время хрущевский курс реформ игнорировал вопрос рентабельности капиталовложений, что в итоге привело советскую экономику к кризису избыточных инвестиций и к «закату оттепели». Автор обращает особое внимание на роль советских ученых-экономистов в «поворотах» 1950-х гг., опираясь на малоизученные ранее источники по экономической истории СССР.

Ключевые слова: плановая экономика; экономические реформы в СССР; экономическая наука в СССР; сталинский курс; реформы Г.М. Маленкова; политика Н.С. Хрущева

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-010-00680 «Исследование институциональных механизмов взаимодействия науки и управления экономикой в СССР (середина 1950-х – конец 1980-х гг.) в контексте развития системы стратегического планирования в государственном секторе экономики РФ».

BETWEEN THE LIBERALIZATION OF COMMUNISM AND ORTHODOX MARXISM (UNDERSTANDING EVOLUTION OF SOVIET ECONOMIC DEVELOPMENT IN THE 1950S AND 1960S)

Gregory G. POPOV,

Cand. Sci. (Econ.), Assistant Professor,
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
(RANEPA),
Moscow, Russia,
e-mail: GGPopov2009@mail.ru

Citation: Popov, G. G. (2019). Between the liberalization of communism and orthodox marxism (understanding evolution of soviet economic development in the 1950s and 1960s). *Terra Economicus*, 17(4), 113–128. DOI: 10.23683/2073-6606-2019-17-4-113-128

The paper deals with the Soviet economy from the perspective of two contrasting models of the national economy, shaped under different types of political regimes. The author discusses the differences between the economic system under Stalin's dictatorship and post-Stalin moderate Communist regime. The main reasons why Stalinism has run its course in the early 1950s are analyzed. Short-term, but quite effective liberal (as far as it was possible under Soviet regime) reforms put forward by Georgy Malenkov, 1953–1955, are discussed. As opposed to Malenkov's reforms, Nikita Khrushchev's technocratic course to transform the Soviet economy is analyzed. The latter implied extensive economic growth, with the massive investments into advanced technology, and public administration reforms. The author argues that Khrushchev's technocratic policy, despite its failures, is undervalued by the Russian historiographers (in particular, much has been done for housing construction and energy industry). Meanwhile, Khrushchev's reforms neglected the issue of return on investment, and eventually resulted in over-investment crisis of the Soviet economy and failure of the Khrushchev Thaw. Relying on still insufficiently studied historical sources, the author focuses on the role of Soviet economists in policy «shifts» which took place in 1950s.

Keywords: *planned economy; economic reforms in the USSR; economics in the USSR; Stalin's course; G.M. Malenkov's reforms; N.S. Khrushchev's policy*

JEL classifications: *B24, N14, N34, N44*

Введение

В научной литературе можно найти очень много аналитической информации о сталинских реформах, довольно много – о реформах Косыгина, но советским реформаторам 1950-х повезло гораздо меньше. Между тем именно в этот период советская экономика совершила крупный скачок в развитии, и этот феномен мало изучен в экономической литературе.

Экономические реформы Г.М. Маленкова (1953–1955 гг.) и Н.С. Хрущева (1955–1964 гг.) недостаточно изучены и в России, и на Западе. Наблюдается дефицит и специальных компаративистских исследований; интересными в этой связи представляются лишь работы М.Л. Альпидовской (Альпидовская и др., 2017) и С.В. Смирнова (Smirnov, 2015), посвященные данным реформам в контексте долгосрочного развития СССР. Это

вытекает, как верно утверждает В.Л. Некрасов, из ослабленного интереса историков экономики к архивным материалам по экономике периода «оттепели» (Некрасов, 2017). Исключением является работа Г.И. Ханина (Ханин, 2008), однако он, с одной стороны, преувеличивает достижения сталинской модели экономики, а с другой – не рассматривает подробно ту научную дискуссию, которая подвигла Г.М. Маленкова и Н.С. Хрущева на частичный демонтаж этой модели.

Целью настоящей статьи является заполнение пробела в анализе эволюции советской экономики – осмысление сущностей, сходства и различия трех (сталинской, маленковской и хрущевской) моделей экономики СССР, сформированных при очень разных политических режимах.

Сталинская экономика: «затухание импульса»?

Даже если взять самые последние годы, есть длинный ряд научных публикаций, освещающих отдельные стороны экономики эпохи сталинизма (Андреенков, 2017; Боркун, Соловьев, 2016; Винслав, 2017; Романченко, 2016; Ильиных, 2017). Все указанные работы объединяет стремление авторами осознать принципиальные различия между сталинским «большим рывком» и предыдущим (нэп) и последующими ближайшими (военный и послевоенный) периодами. В то же время в этих работах трудно найти сопоставления сталинской экономики (1929–1953 гг.) с экономикой СССР следующего десятилетия после смерти Сталина. В результате возникает существенное недопонимание причин постсталинских времен. Появляется иллюзия, будто изменения экономической политики отражали лишь смену «вождей». Однако «политическая воля» всегда и везде детерминирована объективными факторами.

По поводу причин качественного изменения социально-экономической политики в СССР 1950-х гг. есть ряд концепций, каждая из которых имеет определенные недостатки.

В мейнстриме западной науки принято считать, что сформировавшаяся на рубеже 1920–1930-х гг. советская политика была мобилизационной, направленной на «рывок» в социально-экономическом развитии. Это происходило путем копирования некоторых западных государственных управленческих практик рубежа XIX–XX вв. с целью достижения высших показателей выпуска промышленной продукции, какие были достигнуты капиталистическими странами, но без копирования основных капиталистических институтов (Kotkin, 1995; Rieber, 2015; Allen, 2009; Chirot, 1991; Sanchez-Sibony, 2014).

Р. Аллен в этой связи приводит данные, что ВВП СССР в начале 1920-х гг. был равен ВВП Индонезии в 1945 г. Такой низкий исходный уровень экономики, кричаще противоречащий и коммунистической риторике о высшем обществе, и объективным задачам национального догоняющего развития, толкал советское руководство, по мнению Р. Аллена, к принятию радикальных решений. П. Грегори отвечает на вопрос о причинах успеха сталинского экономического курса похожим образом, утверждая, что СССР имел при Сталине мобилизационный характер экономики, но в меньшей степени плановую экономику. На том, что советская экономика во второй половине 1930-х гг. имела явно выраженный мобилизационный характер, настаивают также М. Харрисон, О. Хлевнюк и ряд других авторитетных авторов (Davis et al., 2018). Фактически на этой позиции стоит и Р.М. Нуреев, по мнению которого выбор в пользу доктрины Е. Преображенского в 1928 г. привел к формированию мобилизационной модели экономики в СССР, которая просуществовала практически до 1990-х гг. (Нуреев, Гретченко, 2008: 146) Но концепции, согласно которым советская экономика была мобилизационной всегда, не объясняют, почему после смерти И.В. Сталина «мобилизационные» решения принимались редко.

Весьма интересной представляется менее известная идея «революционного импульса», который в сочетании с революционными методами административного дав-

ления на население был важным фактором роста советской экономики, но не на всем ее протяжении, а только в межвоенный период. Помимо А. Ноува, эту концепцию развивают и многие другие ученые. В частности, современным российским сторонником этой концепции «революционной мобилизации» выступает профессор С.А. Красильников (Красильников, 2017; 2018). Мы считаем, что ограниченность такого концептуального подхода заключается в том, что он дает объяснение развития экономики с точки зрения скорее исторической социологии, чем экономической истории. В частности, возникает вполне законный вопрос: почему революционный импульс стал угасать, по мнению сторонников этого подхода, после 1945 г., когда Советский Союз после Великой Победы вступил в полосу противостояния с капиталистическим миром и потребность в «сплочении вокруг флага» отнюдь не исчезла?

Загадку причин смены советской экономической политики в 1950-е гг. попытался решить также Д. Пристланд. Он выделил три направления марксизма: «романтический марксизм», «технократический марксизм» и «радикальный марксизм». Только в рамках последнего и развивалась мобилизация (Priestland, 2007; 2010). Но и эта теория, акцентирующая внимание на противоречиях внутри самого марксистского движения, полностью не объясняет, почему советская элита отказалась от радикального курса после смерти Сталина. Здесь уместно вспомнить подход С. Коткина, который объясняет отказ от «радикального марксизма» к середине 1950-х гг. тем, что СССР столкнулся с «американским вызовом» общества процветания, которое Вашингтон решил построить не только в США, но и в Западной Европе. После этого в Кремле поняли, что со старой сталинской экономической политикой марксизм ожидает идеологическое поражение, так как люди в Советском Союзе жили хуже, чем на Западе (Kotkin, 2015; de Grazia, 2006). Но данный мотив для советской политической элиты мог бы работать в случае угрозы массовых протестных выступлений, которые очень трудно увидеть в СССР 1950-х гг.

Говоря об импульсе, запустившем сталинскую модель экономики в конце 1920-х – начале 1930-х гг., и об угасании данного импульса в 1950-е гг., стоит вспомнить концептуальную идею У. Черчилля о периоде «второй Тридцатилетней войны» (1914–1945). Согласно этому подходу, который укладывается в теорию мир-системного развития, между 1914 и 1945 г. в мире происходит системный сдвиг, характеризовавшийся не имевшим ранее аналогов огосударствлением экономик ведущих стран мира (Нуреев, 2017: 96–97). В рамки этого процесса органически вписывается и сталинская экономика как один из наиболее экстремальных вариантов огосударствления. Соответственно, прекращение «второй Тридцатилетней войны» означало начало затухания импульса, вызвавшего сталинский экономический рост.

Г.М. Маленков vs Н.С. Хрущев (1953–1955 гг.): потерянная альтернатива?

Если хрущевские и косыгинские экономические реформы известны достаточно хорошо, то Г.М. Маленков как реформатор советской экономики почти не известен даже специалистам. Это связано не только с тем, что «мы ленивы и нелюбопытны», но и с тем, что период, когда в руках Г.М. Маленкова была высшая власть, оказался очень коротким. Председателем Совета министров Г.М. Маленков был менее двух лет, с марта 1953 до февраля 1955 г., и реформы этого периода с полным основанием можно считать «маленковскими». В то же время остаточные следы курса Г.М. Маленкова прослеживаются и после того, как в 1955 г. его «сослали» на пост министра энергетики, и даже после 1957 г., когда после осуждения как члена «антипартийной группы» он был вообще выведен из ЦК КПСС. Приблизительным рубежом, когда маленковский курс полностью сменяется политикой Н.С. Хрущева, могут быть 1958–1959 гг.

Хотя нет последовательного изложения концепции реформирования советской экономики, которая была у Г.М. Маленкова, ее можно реконструировать по практическим действиям правительства СССР в 1953–1955 гг. В ее основе лежали отказ от

начатой при Сталине гонки вооружений и наращивание инвестиций в потребление наравне с повышением покупательской способности населения. Данная формула будет в 1970–1980-е гг. реализована в Китае во время реформ Дэна Сяопина. Как и в КНР начального периода реформ, в СССР предполагалась низкая норма прибыли для предприятий потребительского сектора.

Новый курс Маленкова связан с тем, что в 1950-е гг. в советской экономике обозначился дефицит капитала, который не позволял решать одновременно задачи реформы промышленности и гонки вооружений. Поэтому Г. Маленков предложил пойти на примирение с Западом ради внутренних реформ. Это спровоцировало рост оппозиции во главе с Н. Хрущевым, который в феврале 1955 г. обрушился на Г. Маленкова с обвинениями в мягкости по отношению к империализму (Taubman, 2003: 263–269), в результате Г. Маленков потерял власть.

«Маленковская» экономическая политика имеет несколько слагаемых. Прежде всего, Г.М. Маленков сразу после смерти Сталина начал проводить политику по расширению полномочий отраслевых министерств, так что министерства превратились фактически в «полугосударства». Вторым элементом маленковских реформ – это кардинальное снижение цен. Тем самым продолжилась стратегия снижения цен, за счет чего еще при Сталине советские экономисты-государственники надеялись стимулировать рост экономики. Происходило это на фоне повышения закупочных цен для колхозов и совхозов. Несомненным результатом такой политики стало принятие дефицитного государственного бюджета 8 августа 1953 г.: плановый дефицит составил 10%, но бюджет удалось свести с небольшим профицитом (Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562, Оп. 41. Д. 113: 181–182). Дефицитный бюджет на фоне радикального снижения цен на товары массового потребления означал рост скрытой инфляции. Третий элемент – это конверсия: уже в 1953 г. расходы на вооруженные силы были сокращены в 2 раза. Четвертое по счету, но, возможно, первое по значению – помощь сельскому хозяйству. Уже в марте 1953 г. Г.М. Маленков пришел к выводу, что кризис в аграрной сфере вызван чрезмерным налогообложением села (Зубкова, 1993: 97–103). В этой связи Г.М. Маленков провел меру по списанию долгов с колхозов. Сельское хозяйство получило, помимо снижения налогового бремени, также увеличение инвестиций и подчинение МТС непосредственно первым секретарям районных комитетов, в результате чего МТС усиливались кадрами. Г.М. Маленков резко повысил оплату труда на селе. Одной из причин таких экстраординарных мер являлась низкая производительность труда на селе, следствием чего была нехватка продовольствия в СССР даже в начале 1950-х гг. По расчетам Р.В. Сеницына, урожайность зерновых составила в 1953 г. 7,8 ц/га, что на 0,4 ц больше, чем в 1951 г., но меньше на 0,1 га, чем в 1950 г. (Сеницын, 2017: 45). Для понимания критичности ситуации со снабжением продуктами питания надо учесть, что минимальной нормой, ниже которой в стране должен был начаться голод, была, судя по показателям 1947–1949 гг., урожайность 6,9–7,3 ц/га.

В связи с осмыслением выбора пути развития экономики СССР следует обратить внимание на научную работу советского экономиста Григория Филиппова в форме доклада М.А. Суслову, секретарю ЦК КПСС, сделанному в 1954 г. М.А. Суслов тогда подключил к работе над анализом сложившейся в сталинский период структуры экономики СССР много специалистов, которые сформулировали концептуальную идею: наращивание инвестиций в тяжелую промышленность ведет к расширению возможностей в сфере производства потребительских товаров за счет повышения оснащенности промышленности средствами производства в целом. В этой связи в работе Г. Филиппова доказывалось, что сталинская модель роста оказалась неправильно понятой Г.М. Маленковым и его последователями, которые видели в ней чрезмерный «перекосяк» в производство средств производства за счет угнетения производства потребительских товаров. На самом деле расширение инвестиций в сектор

производства средств производства вело к росту капиталовооруженности труда и в секторе производств товаров народного потребления, а отнюдь не к истощению их капитальных средств (Российский архив Новейшей истории. Ф. 5. Оп. 17. Д. 522: 60–61).

На осеннем пленуме ЦК 1953 г. впервые проявилась противоположность позиций Маленкова и Хрущева о путях реформирования советской экономики. Г.М. Маленков предложил повысить закупочные цены на аграрную продукцию, чтобы сельское хозяйство получило дополнительное финансирование. По мнению же Н.С. Хрущева, отставание сельского хозяйства СССР заключалось больше не в дефиците капитальных вложений в этот сектор, а в неудовлетворительном состоянии управления колхозами и совхозами (Хрущев, 1963: 7–21). Другим фактором, сдерживавшим рост советской экономики, как признал Н.С. Хрущев, было отставание в научно-техническом прогрессе (здесь Н.С. Хрущев получил научную поддержку у известного ученого-экономиста А.А. Арзуманяна (Khrushchev, 2000: 211–214; Некраснов, 2013: 99–103)).

Концептуальная идея научно-технического отставания, озвученная Н.С. Хрущевым, нашла поддержку у крупного советского теоретика марксистской политической экономики А.М. Румянцева из АН УССР. Как объяснял А.М. Румянцев, в советской экономике не мог работать закон потери стоимости оборудования из-за его морального старения, так как в СССР не было рыночной конкуренции, поэтому советские предприятия могли долго применять устаревшую технику. В этой связи Е.Г. Либерман предлагал расширить хозрасчетные отношения в советской экономике (Либерман, 1955). 9 июля 1954 г. проректор ЛГУ С.М. Валандер поднял вопрос о необходимости тотального введения методов математической статистики в планирование не только на общегосударственном уровне, но и на уровне предприятий (Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5446. Оп. 88. Д. 1: 132–151). В связи с поднятыми А.М. Румянцевым и другими экономистами вопросами теоретических основ нового планирования в народном хозяйстве профессор Л.В. Канторович (позже, в 1975 г., ставший лауреатом премии им. А. Нобеля по экономике) заявил о необходимости применения методологической идеи редкости ресурсов при создании планов распределения ресурсов в экономике. Эта идея Канторовича оказалась очень смелой для своего времени, так как бросала вызов трудовой теории стоимости К. Маркса, критиковать которую считалось «святотатством» среди советских экономистов. В ответ Госплан категорически отверг идею Канторовича, назвав ее маржиналистской по своей сути (ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 88. Д. 1: 132–151). Но Л.В. Канторович лишь четко сказал то, на что намекал А.М. Румянцев: надо положить в основу советского планирования оценки затрат капитала как главного критерия в выработке решений.

В связи с озвученной установкой «догнать и перегнать Америку» Н.С. Хрущев мобилизовал достаточно мощный научный аппарат экономистов для сравнительного анализа возможностей социалистической и капиталистической экономик. Академии наук СССР было дано задание – разработать детально, по каким основным группам товаров и когда советская экономика может обогнать США, исходя из среднелетового показателя выпуска. Быстро обнаружилось, что по макроэкономическим показателям Советский Союз просто не мог соревноваться с Западом, так как в СССР отсутствовала система национальных счетов, что и было официально объявлено для ЦК советскими экспертами (РГАЭ. Ф. 99 оп. 1 Д. 668: 20). В 1958 г. НИИ при Госплане сделал достаточно неутешительный для Н.С. Хрущева вывод, что строить планы, исходя из доктрины «догнать и перегнать Америку», непродуктивно, так как СССР и США обладают слишком разными структурами народных хозяйств и достаточно различаются по климатическим условиям (РГАЭ. Ф. 99. Оп. 1. Д. 668: 16–18). Специалист по истории военной экономики капиталистических стран А.И. Бечин в конце 1950-х гг. сделал еще более смелый вывод: капитализм перешел в принципиально новую стадию развития, когда научный прогресс, а не накопление капитала определяет циклы деловой активности, что делает кризисы капитализма непрогнозируемыми (Архив Российской академии

наук. Ф. 1978. Оп. 1. Д. 43: 3–8). Из этого следовало, что и темпы роста капиталистической экономики тоже стали непрогнозируемыми, а это означало, что строить планирование развития советской экономики, ориентируясь на западные показатели, также бессмысленно.

Когда популистская доктрина «догнать и перегнать Америку» только формировалась, то за ней скрывалась обеспокоенность советского политического руководства ситуацией в советской экономике, вызванной внутренними факторами развития. Еще в сентябре 1953 г. Госплан представил Г.М. Маленкову (как Председателю Совета министров СССР) и Н.С. Хрущеву (как Первому секретарю ЦК КПСС) развернутый доклад, что промышленность не выполнила план по ряду важных ключевых показателей. Кроме того, рост производительности труда составил в 1952–1953 гг. только 5%, когда для выполнения программы пятилетки требовался рост этого показателя в 8,5%. Падение себестоимости продукции в целом составило 3,9%, когда плановый показатель был 4,5%. Во всех бедах обвинили менеджмент предприятий и ведомства, которые затягивали процесс строительства новых заводов и жилищных площадей для их персонала (Российский архив Новейшей истории. Ф. 5. Оп. 30 Д. 15: 1–44). Именно в связи с набиравшим обороты кризисом и появилась концептуальная идея Г. Маленкова переориентировать инвестиции из сектора производства средств производства в сектор производства потребительских товаров (Некрасов, 2013: 99–103).

Во втором полугодии 1953 г. по настоянию Г.М. Маленкова советское правительство пошло на не имевший аналогов в прошлом шаг – сократило вдвое сельхозналог: если в 1952 г. он дал бюджету 9,5 млрд рублей, то в 1953 г. – 4,1 млрд рублей (по плану). Г. Маленков позволил крестьянам увеличить приусадебные участки в 5 раз. При этом повысилась оплата труда колхозников. В результате если в 1953 г. годовой денежный доход крестьянской семьи составлял 845,2 рубля, то в 1960 г. он равнялся уже 3763 рублям. Эти меры Г.М. Маленкова дали очень существенный положительный результат в 1954–1958 гг. (Попов, 2005: 66). В итоге продовольственная проблема как преодоление возможности голода была решена. Аграрная реформа Маленкова показала, что хозяйственная свобода на селе дает гораздо больший экономический эффект, нежели сталинские трудодни и т.п. Возврат Н.С. Хрущева после изгнания из правительства Г.М. Маленкова к сталинской формуле отношений государства с селом привел к обратным результатам – рост производительности колхозных хозяйств замедлился.

Среди существенных результатов маленковской политики следует отметить также подъем жилищного строительства. Но в этой сфере успехи были менее заметными, резкий скачок (примерно в 2 раза) произошел только в 1955–1960 гг., уже при «единоличном правлении» Н.С. Хрущева.

Курс реформ Г.М. Маленкова оказался не только незавершенным из-за быстрой опалы и отставки с ведущих постов его основоположника, но даже не сформулированным окончательно. К тому же Г.М. Маленков не оставил, в отличие от Хрущева и Брежнева, каких-либо мемуарных работ, по которым можно было бы понять общую направленность его мыслей и действий, реально осуществленных и только планируемых. Если реконструировать «маленковскую альтернативу», то с некоторой условностью можно говорить об общей установке на либерализацию, повышение «заботы о людях». Реально сделать удалось немало, но в основном в аграрном секторе. Очень важно, что в результате либерализации науки при Г.М. Маленкове была облегчена научная дискуссия о развитии народного хозяйства страны.

Хрущевский курс: без Сталина по сталинскому пути?

Особенности хрущевского подхода к экономическому реформированию четко обозначились сразу после «переворота» 1955 г., устранившего Маленкова с поста Председателя Совета министров СССР. На XX съезде КПСС Н.С. Хрущев предложил фактически

продолжить сталинский экономический курс, но с некоторыми поправками. С одной стороны, произошло резкое (почти в режиме *big push*) усиление инвестиций: на 1956–1959 гг. были запланированы государственные капиталовложения в размере 990 млрд рублей, так что инвестиции в экономику СССР за эти три года превосходили весь предыдущий пятилетний план, разработанный еще при Сталине (XX съезд, 1956: 58–59). С другой стороны, началась реформа управления: поскольку Н.С. Хрущев считал, что ведомственные управленцы при Сталине тратили деньги неэффективно, он решает с 1957 г. ввести совнархозы. Частичная замена отраслевых ведомств региональными совнархозами вела к децентрализации в народном хозяйстве, но одновременно усиливала роль в экономике региональных партийных организаций, что должно было вернуть советское общество, по замыслу Н.С. Хрущева, к методам управления первой пятилетки.

Решение о переходе от системы ведомств к системе совнархозов уже в советский период справедливо признавали ошибкой. Эта хрущевская реформа выявила (методом от противного) важную черту советской экономики: ее децентрализация (регионального характера) была опасна для народного хозяйства тем, что ряд его отраслей могли эффективно функционировать только в рамках «монолитного» геоэкономического пространства СССР (Некрасов, Хромов, 2011: 124).

Недовольство Н.С. Хрущева отраслевыми министерствами не следует рассматривать только как проявление «волютаризма». Во многом оно было вызвано также тем, что в последние годы правления И.В. Сталина министерские чиновники вытеснили из управления научные кадры, так что знания экономистов, имевших академическое образование, редко применялись на практике. По мнению Н.С. Хрущева, министерское управление экономикой подразумевало замыкание министерских кадров в рамках Москвы, так что они не получали полную информацию из регионов. Ответом на системные недочеты в отраслевом планировании стало, в частности, создание Государственного комитета по науке и технологиям.

Отчасти взгляды Н.С. Хрущева разделял А. Косыгин, бывший протеже репрессированного по «Ленинградскому делу» Н.А. Вознесенского. По мнению А. Косыгина, которое он высказал в связи с дискуссией хозяйственников по поводу совнархозной реформы, советская экономика страдала не от неправильной структуры управления, а от ошибок в планировании: отдача от капиталовложений оценивалась через два года, но, по А. Косыгину, для этого требовался более длительный срок (Российский архив Новейшей истории Ф. 5. Оп. 30. Д. 196: 65–78).

Хрущевские реформы были связаны не только с совнархозами, но и с освоением новооткрытых энергоресурсов. В сентябре 1957 г. шестой пятилетний план был пересмотрен и урезан в пользу седьмого пятилетнего плана – в первую очередь в связи с открытием в Сибири богатых нефтью месторождений, которые давали качественно новую перспективу развития советской экономики. В основу новой пятилетки была положена идея приоритетного развития нефтехимии как двигателя прогресса. Н.С. Хрущев надеялся за счет выпуска пластмасс сократить издержки в секторе производства товаров народного потребления, чтобы тем самым отказаться от маленковской доктрины перераспределения инвестиций из тяжелой индустрии в потребительский сектор². В связи с неудачным распределением инвестиций в регионах в период шестой пятилетки главой Госплана был назначен А. Косыгин, который уже в 1960 г. начал постепенную ликвидацию совнархозов, сокращая их количество под лозунгом «централизации совнархозов» (Kibita, 2015: 92–95).

В экономической политике Хрущева были, несомненно, и удачные моменты, связанные, в частности, с реорганизацией промышленности. Когда Г. Маленков утверж-

² См. Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 19.09.1957 № 1146 «О разработке перспективного плана развития народного хозяйства СССР на 1959–1965 годы» (<http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=38076#0599448341201303> – Дата обращения: 31.05.2019).

дал, что индустриализация завершена, он давал несколько неточную картину. В этом аспекте гораздо больше был прав Н.С. Хрущев, указывая на ряд существенных узких мест в развитии советской промышленности, оставшихся в наследие от времен И.В. Сталина. В первую очередь это касалось энергетики, мощности которой составили в СССР в 1950 г. лишь 19,6 млн кВт (Попов, 2005: 65), что меньше, чем в нацистской Германии в конце Второй мировой войны – 25 млн кВт после всех разрушений в результате бомбардировок и износа оборудования в условиях ограничений по его замене. В результате ускоренного строительства электростанций Советскому Союзу удалось в 1965 г. получать уже 115 млн кВт (Попов, 2005: 65). Строительство в энергетике курировал лично Н. Хрущев, встретив, правда, серьезные хозяйственные возражения Госплана (Некрасов, Хромов, 2011: 125).

Потеря Г. Маленковым своих постов в 1955–1957 гг. привела к сворачиванию курса его политики в сельском хозяйстве. Инициированная им еще в конце 1940-х гг. политика снижения цен на товары народного потребления (способ, по замыслу Г. Маленкова, повысить производительность труда) была сменена Н. Хрущевым стратегией повышения цен. Если Маленков рассматривал крестьян как нуждающихся в помощи, то Хрущев возобновил «наступление» на крестьянство: были расформированы МТС, что ухудшило экономическое положение колхозов, развернулась кампания борьбы с личными подсобными хозяйствами. Вместо интенсивного роста аграрного сектора Н. Хрущев предложил освоение целины, т.е. возврат к экстенсивным методам в сельском хозяйстве, которые хорошо подходили для военной советской экономики, но исчерпали себя в мирных условиях 1950-х гг. В результате среднегодовые темпы прироста в аграрном секторе СССР снизились в 1960–1965 гг. до 1,5%, по сравнению с 7,5% в 1958 г. На фоне катастрофического падения заготовок зерновых (до уровня кануна Первой мировой войны) это впервые заставило СССР закупать продовольствие за границей (Вальцев, 2012а: 7).

Таким образом, технократизм Н.С. Хрущева без либерализма Г.М. Маленкова оказался обречен на провалы во многих экономических преобразованиях и, как следствие, на удары со стороны оппозиции справа (сторонников прорыночного развития) и слева (сторонников более решительной ресталинизации). В то же время эти провалы не следует преувеличивать: в период с 1953 по начало 1960-х гг. советская экономика вышла на темпы роста ВВП примерно 10% в год (Вальцев, 2012б: 6). Это «советское экономическое чудо» достигалось во многом за счет оставленного сталинским периодом наследия (Вальцев, 2012б: 6) и колоссальных капиталовложений в промышленность в 1950-е гг. (Яременко, 1999: 32), поэтому оно не могло быть длительным.

Научная критика реформ 1950-х годов

Роль советской экономической науки в реформах 1950-х гг. (как и вообще в выработке политики на протяжении всей истории СССР) была двойственной: с одной стороны, экономисты помогали обосновывать очередной «поворот»; с другой стороны, их научная добросовестность требовала давать критические оценки результатам этих «виражей».

Когда в январе 1959 г. Президиум Академии наук СССР учредил специальную комиссию для оценки издержек в народном хозяйстве, то выводы комиссии, возглавленной известным советским экономистом В.С. Немчиновым, оказались неутешительными. По мнению экономистов, в советском ценообразовании применялись совершенно ненаучные подходы. Единственный выход для советской экономики из кризисной ситуации с назначением цен В.С. Немчинов видел во введении принципа прибыльности в процесс капиталовложений. Он подверг критике хрущевскую доктрину научно-технического прогресса как двигателя экономики, указав на то, что без правильного ценообразования и прибыли от НТП нельзя ждать ожидаемых результатов. По мнению комиссии В.С. Немчинова, в ходе шестой пятилетки произошло замедление роста со-

ветской экономики на фоне небывалого ранее увеличения капиталовложений (Белкин, 2003: 44–47).

Таким образом, комиссия В.С. Немчинова, состоявшая из ведущих советских экономистов, вынесла осуждающий вердикт концепции Н.С. Хрущева – провести реставрацию сталинской модели экономики. По мнению экономистов, эту модель надо было кардинально перестраивать: без прибыли и сбалансированного, основанного на математических расчетах, ценообразования народное хозяйство не могло позитивно развиваться дальше.

Были ли реформы Хрущева и Маленкова на самом деле столь неудачными, как их представил в своем отчете В. Немчинов? Ведь успех государственных реформ нельзя определять только процентом роста национального дохода, ВВП либо других макроэкономических показателей (например, той же отдачей на капиталовложения). Необходимо учесть и качественные изменения. В частности, резкое повышение качества жизни советских граждан в 1953–1964 гг. есть очевидный факт. Запуск первого искусственного спутника Земли (1957 г.) и первого человека в космос (1961 г.) – не только крупнейшие научно-технические достижения рассматриваемого периода, но и эпохальные достижения советского НТП.

В то же время, хотя в отечественной историографии замедление роста советской экономики и ее спад принято ассоциировать со временем правления Л.И. Брежнева, первые признаки «застоя» обнаружились уже в конце 1950-х гг. В середине 1960-х гг. по заданию непосредственно А. Косыгина известный математик Мстислав Келдыш провел расчеты роста советской экономики, согласно которым «перелом» (замедление развития) произошел уже около 1959 г. (табл. 1). Этот «перелом» правомерно связывать не столько с окончательной «отставкой» Г.М. Маленкова в 1957 г., сколько с инициированным Н.С. Хрущевым поворотом к идеалам первой пятилетки в советской экономической политике.

Таблица 1

Рост советской экономики по ключевым показателям, согласно расчетам М. Келдыша, %

Ключевые показатели	1954–1958	1959–1963	1961–1963
Национальный доход	11,0	6,5	5,6
Промышленность	11,4	9,6	9,0
Сектор А	12,3	10,8	10,4
Сектор Б	9,3	7,2	6,5
Сельское хозяйство	8,6	0,0	0,0
Капиталовложения	15,0	6,6	4,0

Источник: (Архив Российской академии наук. Ф. 1849. Оп. 1. Д. 51: 1).

Расчеты М. Келдыша демонстрируют, что реформы изначально противоречивого «кальянса» Хрущева и Маленкова оказались незавершенными с точки зрения переориентации основной массы инвестиций с сектора А в сектор Б. Откровенный провал в сельском хозяйстве говорит в пользу точки зрения о своего рода «итальянской забастовке» во многих колхозах и совхозах (или о ситуации, очень близкой к такому состоянию). Снижение инвестиций указывает больше на то, что в 1950-е гг. был создан избыток капиталовложений и незавершенного строительства, не сопровождавшийся адекватным приростом в секторе Б и в сельском хозяйстве. Избыток инвестиций привел, по расчетам М. Келдыша, к резкому снижению прироста продукции на единицу капитала с 1% до 0,61% в период с 1961 по 1963 гг. (Архив Российской академии наук. Ф. 1849. Оп. 1. Д. 51: 2).

Очень высокие показатели роста советской экономики в 1954–1958 гг. кажутся мистическими, поскольку в предыдущий и последующий периоды не имеют аналогов.

Но их можно объяснить тем, что сработали эффекты НТП и временного снижения военных расходов на фоне улучшения социальных условий труда. С другой стороны, можно говорить о том, что советская экономика после 1958–1959 гг. стала переходить к модели умеренного роста, когда качество вытесняет количество.

Заключение

Итак, советское общество существенно эволюционировало в постсталинский период, столкнувшись еще в конце 1940-х – начале 1950-х гг. с рядом вызовов.

Главный из них – это новая модель гонки вооружений, когда в большей степени, чем ранее, требовались квалифицированные кадры в тяжелой промышленности. На данный вызов после 1953 г. был дан достаточно достойный ответ. Подчеркнем, что успехи ОПК СССР оказались возможны в период «оттепели» во многом за счет наследия 1930–1940-х гг., включая полученный во время Великой Отечественной войны богатый научно-технический опыт. Заметим также, что СССР совершил большой прорыв в оборонной сфере в 1953–1957 гг. в условиях *сокращения* расходов (или, по крайней мере, сдерживания их радикального прироста) на вооруженные силы, данный опыт весьма полезен для современной России.

Второй вызов носил внутренний характер – это замедление роста производительности труда на фоне изменения структуры населения из-за больших потерь в Великой Отечественной войне. Хотя вопрос о динамике производительности труда в СССР периода холодной войны не слишком глубоко изучен, но, судя по изложенным в данной статье материалам, напрашивается вывод, что еще до прекращения реформ Маленкова данная трудность в советской экономике была в основном преодолена, правда, лишь временно.

Третий вызов связан с энергетикой, которая больше не могла, как в XIX в., быть основанной на угле. Этот вопрос носил общенациональный характер, так как от энергетики зависел экономический рост. Решение данного вопроса было связано с наращиванием капитальных вложений, носивших характер долгосрочного строительства, но капитальные вложения в особо дорогостоящие объекты, как показал опыт советской экономики 1960-х гг., замедляли экономический рост.

Четвертый вызов связан с сельским хозяйством, производительность которого не поспевала за демографическим ростом, так как оно было основано на практиках организации доиндустриальных обществ, напоминая институты азиатского способа производства. Эта сложность была отчасти преодолена в ходе реформ Маленкова, но последующий возврат к сталинским по существу методам управления сельским хозяйством привел к новому «застою» в аграрном секторе в начале 1960-х гг.

Пятый вызов – замедление экономического роста на базе наращивания в основном трудозатрат и повышения производительности труда. Как известно из общего курса микроэкономики, сильно опережающий рост одного из факторов производства относительно быстро приводит к замедлению роста общей факторной производительности. В Юсплане это поняли уже в первой половине 1950-х гг., поэтому экономика постепенно стала переходить на фактически капиталистические основы планирования, где главным критерием является рентабельность капитала.

Шестой вызов – слишком запоздалая отдача от инноваций в народном хозяйстве, что отчасти связано с приоритетом в НТП в пользу ВПК. Низкая способность советской гражданской экономики к инноватике оставалась «ахиллесовой пятой» СССР до самого конца его истории.

Седьмой вызов связан с низким научным обеспечением: наука оказалась в результате сталинских «чисток» оторванной от народного хозяйства, особенно это касается экономической теории. Поэтому советское планирование шло в период «оттепели» вперед методом проб и ошибок. Между тем уже к концу 1940-х гг. экономика СССР настолько усложнилась, что без современного научного обеспечения, включая математическую экономику, общество не могло успешно развиваться.

Пытаясь найти ответы на эти семь вызовов, советское партийное руководство после смерти И.В. Сталина в 1953 г. оказалось на распутье.

В конце концов, начавшиеся в 1957 г. реформы Хрущева оказались модификацией сталинского курса: государство, отказываясь от репрессий, продолжало экстенсивными методами проводить ускоренную модернизацию. Мы не согласны с В.Л. Некрасовым, что Н.С. Хрущев изобретал что-то принципиально новое в экономической политике на фоне десталинизации советского общества (Некрасов, 2017: 71). На самом деле он стремился скорее *реанимировать* лучшее, что ему виделось в сталинской эпохе, – в частности, высокие моральные мотивы 1930–1940-х гг. Для этого он пытался предоставить больше свободы партийным кадрам в регионах, что советское государство уже «проходило» во время Великой Отечественной войны.

В то же время мало замеченные советским обществом реформы Маленкова показывают, что у советского государства имелась в 1950-е гг. более либеральная альтернатива, иной путь модернизации.

ЛИТЕРАТУРА

- Альпидовская, М. Л., Вахрушева, Н. А., Корняков, В. И. (2017). Уроки истории: экономический подъем в послевоенные годы (1945–1960) // *Энергия: экономика, техника, экология*, (5), 42–48.
- Андреев, С. Н. (2017). «Целинный проект» 1954 г. в аграрной истории Сибири и Казахстана // *Гуманитарные науки в Сибири*, 24(2), 103–108.
- Архив Российской академии наук. Ф. 1849. Оп. 1. Д. 51.
- Архив Российской академии наук. Ф. 1978. Оп. 1. Д. 43.
- Белкин, В. Д. (2003). *Тернистый путь экономиста. Воспоминания о прожитом и размышления о грядущем*. М.: Дело, 199 с.
- Боркун, И. А., Соловьев, В. Ю. (2016). Продовольственная политика государства на этапе свертывания нэпа: значение экономического и политического факторов // *Власть*, 24(11), 175–181.
- Вальцев, С. В. (2012а). Эпоха развитого социализма как время упущенных возможностей // *Проблемы современной науки и образования*, (4), 4–22.
- Вальцев, С. В. (2012б). Оценка преобразований, проводимых в СССР под руководством Н. С. Хрущева // *Проблемы современной науки и образования*, (5), 10–20.
- Винслав, Ю. Б. (2017). Советская оборонная промышленность: из предвоенной, военной и послевоенной истории организации и управления // *Российский экономический журнал*, (4), 23–35.
- Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5446. Оп. 88. Д. 1. ЛЛ. 132–151.
- Зубкова, Е. Ю. (1993). *Общество и реформы 1945–1964*. М.: Издательский центр «Россия молодая», 196 с.
- Ильиных, В. А. (2017). Агротехника сибирского земледелия в дискурсе 1932–1933 гг. // *Гуманитарные науки в Сибири*, 24(2), 90–95.
- Красильников, С. А. (2017). От забастовок к «волынкам»: рабочие протесты в советской стране 1920-х годов // *ЭКО*, 47(1), 176–189. (<http://dx.doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2017-1-176-189>).
- Красильников, С. А. (2018). Социальная мобилизация сталинской эпохи: теория, историография, с. 11–96 / В кн.: С. А. Красильников (ред.) *Социальная мобилизация в сталинском обществе (конец 1920-х – 1930-е гг.)*. М.: РОССПЭН.
- Либерман, Е. Г. (1955). Хозрасчетный расчет и материальное поощрение работников промышленности // *Вопросы экономики*, (60), 34–44.

- Некрасов, В. Л. (2013). Реформа Госплана СССР 1955 г.: разработка новой модели планирования экономики // *Вестник Томского государственного университета*, (368), 99–103.
- Некрасов, В. Л. (2017). Советский экономический реформизм эпохи Н.С. Хрущева: авторитарный реформатор, партийно-государственная система и академическое общество // *Новый исторический вестник*, (4), 72–73.
- Некрасов, В. Л., Хромов, Е. А. (2011). Н.С. Хрущев и новая энергетическая политика (вторая половина 1950-х – первая половина 1960-х гг.): власть, реформы, идеология // *Вестник Томского государственного университета*, (349), 123–126.
- Нуреев, Р. М. (2017). Истоки огосударствления экономики и его последствия // *Мир новой экономики*, 11(2), 93–104.
- Нуреев, Р. М., Гретченко, А. И. (2008). Реформы и застой в советской экономике // *Историко-экономические исследования*, 9(3), 134–165.
- Попов, Г. Г. (2005). Кризисы советской и российской экономик через призму неокейнсианских теорий // *Экономика и право*, (4), 61–75.
- Российский государственный архив экономики* (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 41. Д. 113.
- Российский государственный архив экономики*. Ф. 99. Оп. 1. Д. 668.
- Российский архив Новейшей истории*. Ф. 5. Оп. 30. Д. 15.
- Российский архив Новейшей истории*. Ф. 5. Оп. 30. Д. 196.
- Российский архив Новейшей истории*. Ф. 5. Оп. 17. Д. 522.
- Романченко, В. Я. (2016). Государственные сельские хозяйства России в условиях нэпа и сталинской модернизации // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*, (7-1), 140–142.
- Синицын, Р. В. (2017). О достоверности дореволюционной статистики в контексте оценки урожайности зерновых культур статистическими органами Российской империи и СССР // *Новые исторические перспективы: от Балтики до Тихого океана*, (2-3), 23–33.
- Ханин, Г. И. (2008). *Экономическая история России в Новейшее время*: в 3 т., т. 1. Новосибирск: Новосибирский государственный технический университет, 516 с.
- Хрущев, Н. С. (1963). *Строительство коммунизма и развитие сельского хозяйства в СССР*, т. 7. М.: Госполитиздат, 494 с.
- Яременко, Ю. В. (1999). *Экономические беседы*. М.: Центр исследований и статистики науки, 344 с.
- XX съезд* (1956). Стенографический отчет. М.: Госполитиздат.
- Allen, R. C. (2009). *Farm to Factory: A Reinterpretation of the Soviet Industrial Revolution*. Princeton University Press, 319 p.
- Chirot, D. (1991). What Happened in Eastern Europe in 1989? // *PRAXIS International*, 11(3-4), 278–305.
- de Grazia, V. (2006). *Irresistible Empire: America's Advance through Twentieth-Century Europe*. Cambridge: Belknap Press, 608 p.
- Kibita, N. (2015). *Soviet Economic Management under Khrushchev: The Sovnarkhoz Reform*. London: Routledge, 202 p.
- Kotkin, S. (1995). *Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization*. Berkley: University of California Press, 639 p.
- Kotkin, S. (2015). *Stalin: Paradoxes of Power, 1878–1928*. Reprint edition. New York: Penguin Books, 949 p.

- Khrushchev, S. (2000). *Nikita Khrushchev and the Creation of a Superpower*. Pennsylvania State University Press, 765 p.
- Priestland, D (2007). *Stalinism and the Politics of Mobilization: Ideas, Power, and Terror in Inter-War Russia*. Oxford: Oxford University Press, 487 p.
- Priestland, D. (2010). *The Red Flag: A History of Communism*. New York: Grove Press, 973 p.
- Rieber, A. J. (2015). *Stalin and the Struggle for Supremacy in Eurasia*. Cambridge: Cambridge University Press, 420 p.
- Sanchez-Sibony, O. (2014). *Red Globalization: The Political Economy of the Soviet Cold War from Stalin to Khrushchev*. New York: Cambridge University Press, 278 p.
- Smirnov, S. (2015). Economic Fluctuations in Russia (from the late 1920s to 2015) // *Russian Journal of Economics*, 1(2), 130–153.
- Taubman, W. (2003). *Khrushchev N.: The Man and His Era*. New York: W.W. Norton, 876 p.

REFERENCES

- Allen, R. C. (2009). *Farm to Factory: A Reinterpretation of the Soviet Industrial Revolution*. Princeton University Press, 319 p.
- Alpidovskaya, M. L., Vakhrusheva, N., Korniyakov, V. I. (2017). Lessons of history: economic recovery in the postwar years (1945–1960). *Energy: economy, technology, ecology*, (5), 2017, 42–48. (In Russian.)
- Andreenkov, S. N. (2017). The «Virgin project» of 1954 in the Agrarian history of Siberia and Kazakhstan. *Humanitarian Sciences in Siberia*, 24(2), 103–108. (In Russian.)
- Archive of the Russian Academy of Sciences*. Fond 1849. Box 1. File 51.
- Archive of the Russian Academy of Sciences*. Fond 1978. Box 1. File 43.
- Belkin, V. D. (2003). *The thorny path of an economist. Memories of the past and thoughts about the future*. Moscow: Delo Publ., 199 p. (In Russian.)
- Borkun, I. A., Solov'ev, V. Yu. (2016). Food policy of the state at the stage of new economic policy closure: the value of economic and political factors (on materials of the Volga region) // *The Authority (Vlast')*, 24(11), 175–181. (In Russian.)
- Chirot, D. (1991). What Happened in Eastern Europe in 1989? *PRAXIS International*, 11(3-4), 278–305.
- de Grazia, V. (2006). *Irresistible Empire: America's Advance through Twentieth-Century Europe*. Cambridge: Belknap Press, 608 p.
- Ilyinykh, V. A. (2017). Agricultural technology of Siberian farming in the discourse of 1932–1933. *Humanitarian sciences in Siberia*, 24(2), 90–95. (In Russian.)
- Khanin, G. I. (2008). *The Economic History of Modern Russia: in 3 vols., vol. 1, The Economy of the USSR from the Late 1930s to 1987*. Novosibirsk: Novosibirsk State Technical University Publ., 516 p. (In Russian.)
- Khrushchev, N. S. (1963). *Building the Communism and agricultural development in the USSR*, vol. 7. Moscow: Gospolitizdat Publ., 494 p. (In Russian.)
- Khrushchev, S. (2000). *Nikita Khrushchev and the Creation of a Superpower*. Pennsylvania State University Press, 765 p.
- Kibita, N. (2015). *Soviet Economic Management under Khrushchev: The Sovnarkhoz Reform*. London: Routledge, 202 p.
- Kotkin, S. (1995). *Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization*. Berkley: University of California Press, 639 p.
- Kotkin, S. (2015). *Stalin: Paradoxes of Power, 1878–1928*. Reprint edition. New York: Penguin Books, 949 p.

- Krasilnikov, S. A. (2017). From Strikes to «Volynki» (labour sabotage): the Protests of Workers in the Soviet Union of 1920s. *ECO journal*, 47(1), 176–189. (<http://dx.doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2017-1-176-189>) (In Russian.)
- Krasilnikov, S. A. (2018). Social mobilization in Stalins's epoch: theory, historiography, pp. 11–96 / In: Krasilnikov, S. A. (ed.) *Social mobilization in Stalins's society (late 1920s – early 1930s)*. Moscow: ROSSPEN Publ. (In Russian.)
- Lieberman, E. G. (1955). Cost accounting and material motivation for industrial workers. *Voprosy Ekonomiki*, (6), 34–44. (In Russian.)
- Nekrasov, V. L. (2013). 1955 Gosplan reform: developing new model of economic planning. *Tomsk State University Journal*, (368), 99–103. (In Russian.)
- Nekrasov, V. (2017). Soviet Economic Reformism of the Khrushchev Era: The Authoritarian Reformer, the Party-State System, and the Academic Community. *The New Historical Bulletin*, (4), 71–91. (In Russian.)
- Nekrasov, V. L., Khromov, Ye. A. (2011). N.S. Khrushchev and the new energy policy (late 1950s – early 1960s): power, reforms, ideology. *Tomsk State University Journal*, (349), 123–126. (In Russian.)
- Nureev, R. M. (2017). The Origins of Economic Environment and its Consequences. *The world of new economy*, 11(2), 93–104. (In Russian.)
- Nureev, R. M., Gretchenko, A. I. (2008). Reforms and stagnation in the Soviet economy. *Economic History and History of Economics*, 9(3), 134–165. (In Russian.)
- Popov, G. G. (2005). Crises of the Soviet and Russian economies through the prism of Neo-Keynesian theories. *Economy and law (Ekonomika i pravo)*, (4), 61–75. (In Russian.)
- Priestland, D (2007). *Stalinism and the Politics of Mobilization: Ideas, Power, and Terror in Inter-War Russia*. Oxford: Oxford University Press, 487 p.
- Priestland, D. (2010). *The Red Flag: A History of Communism*. New York: Grove Press, 973 p.
- Rieber, A. J. (2015). *Stalin and the Struggle for Supremacy in Eurasia*. Cambridge: Cambridge University Press, 420 p.
- Romanchenko, V. Ya. (2016). State agriculture of Russia in the conditions of nep and Stalinist modernization. *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*, (7, part 1), 140–142. (In Russian.)
- Russian State Archive of the Economy (RGAE). Fond 1562. Box 41. File 113.
- Russian State Archive of the Economy (RGAE). Fond 99. Box 1. File 668.
- Russian State Archive of Contemporary History (RGANI). Fond 5. Box 17. File 522.
- Russian State Archive of Contemporary History (RGANI). Fond 5. Box 30. File 15.
- Russian State Archive of Contemporary History (RGANI). Fond 5. Box 30. File 196.
- Sanchez-Sibony, O. (2014). *Red Globalization: The Political Economy of the Soviet Cold War from Stalin to Khrushchev*. New York: Cambridge University Press, 278 p.
- Sinitzyn, R. V. (2017). On the reliability of pre-revolutionary statistics in the context of yield estimation of crops by the statistical authorities of the Russian Empire and the Soviet Union. *The New Historical Perspectives: From Baltic to Pacific Ocean*, (2-3), 23–33. (In Russian.)
- Smirnov, S. (2015). Economic Fluctuations in Russia (from the late 1920s to 2015). *Russian Journal of Economics*, 1(2), 130–153.
- State Archive of the Russian Federation. Fond 5446. Box. 88. File 1.
- Taubman, W. (2003). *Khrushchev N.: The Man and His Era*. New York: W.W. Norton, 876 p.
- Valtsev, S. V. (2012a). The era of developed socialism as a time of missed opportunities. *Problems of modern science and education*, (4), 4–22. (In Russian.)

-
- Valtsev, S. V. (2012b). Evaluation of the reforms carried out in the USSR, under the leadership of N.S. Khrushchev. *Problems of modern science and education*, (5), 10–20. (In Russian.)
- Vinslav, Yu. B. (2017). Soviet defense industry: from pre-war, war and post-war history of organization and management. *Russian Economic Journal*, (4), 23–35. (In Russian.)
- XX Meeting: Report* (1956). Moscow: Gospolitizdat Publ. (In Russian.)
- Yaremenko, Ju. V. (1999). *Conversation about economy*. Moscow: Center of researches and statistics of science Publ., 344 p. (In Russian.)
- Zubkova, E. Yu. (1993). *Society and reforms of 1945–1964*. Moscow: Publishing center «Rossiya Molodaya», 196 p. (In Russian.)